

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИИ В ОБНОВЛЕНЧЕСКОМ РАСКОЛЕ В СССР В 1920-Х – 1930-Х ГГ

Сергий Кульпинов¹

В статье исследуется проблема изучения религии представителями обновленческого раскола в СССР в 1920-х – 1930-х гг. Большое внимание уделяется изучению места исследований истории нехристианских религий и её преподавания в высших и средних обновленческих учебных заведениях. В силу довольно ограниченного числа источников преимущественно анализируется образовательный процесс в Московской богословской академии. Также внимание уделяется научно-популярным докладам и лекциям, касающимся истории и форм религии, организуемым обновленцами в рамках просветительских мероприятий. Анализируются отчеты о деятельности сект, составляемые в обновленческих епархиях, и их научная значимость. Внимание также уделяется отражению религиозной ситуации на региональном уровне в отчетах некоторых обновленческих епархиальных структур, в частности, Бурят-Монгольского епархиального церковного управления. Делается вывод о том, что систематическое изучение истории и современного состояния религии в обновленчестве практически не осуществлялось, хотя отдельные попытки подобной работы предпринимались, как в рамках образовательных учреждений, так и по личной инициативе иерархов, клириков и мирян.

В настоящее время интерес к истории обновленческого раскола в СССР значительно возрос в среде как светских, так и церковных исследователей. Вместе с тем, в данной области остается еще значительное число «белых пятен», которые будут прояснены только со временем. В рамках данной работы нами ставится цель рассмотреть одну из подобных слабо изученных вех в исто-

¹ Диакон, кандидат богословия, докторант Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени св. Кирилла и Мефодия.

рии раскола, а именно развитие исследований религии в обновленческих церковных структурах.

Приступая к настоящему исследованию, необходимо обозначить, что следует выделять несколько направлений изучения религии в обновленчестве. В первую очередь, речь пойдет об академических исследованиях и преподавании истории религий в обновленческих высших учебных заведениях, в частности, Московской богословской академии. Также представляется интересным рассмотреть, как религия была представлена в научно-популярных просветительских лекциях и курсах, которые проводились в отдельных епархиях.

Вторым аспектом исследований религии в обновленчестве можно считать анализ положения других религиозных структур, в первую очередь, других христианских конфессий, в рамках миссионерской деятельности. Следует отметить, что в первой половине 1920-х гг. миссионерство понималось в обновленческой среде, в основном, как «внутренняя миссия», то есть распространение обновленческих идей среди населения, формально считающего себя православным, и полемика с атеизмом. Также предполагалась и миссионерская работа среди неопротестантов и представителей русского сектантства. Миссия среди нехристианского населения, в частности, в Сибири, в этот период предлагалась отдельными священнослужителями и богословами, однако не имела широкого распространения. В частности, II Сибирский церковный съезд, проходивший с 5 по 13 мая 1924 г., не стал рассматривать предложения об организации миссионерской работы среди коренных народов Сибири на севере Иркутской губернии и юге Якутской АССР. Вместе с тем, со второй половины 1920-х гг. миссионерство стало пониматься в обновленческой среде почти исключительно, как прозелитизм в среде сектантства, как русского, так и неопротестантского. В связи с этим в епархиях велась работа по сбору и анализу информации о положении существующих религиозных течений в неопротестантизме и русском сектантстве.

В 1930-х гг. большое внимание миссионерской работе уже не уделялось, однако присутствовали попытки описания религиоз-

ной ситуации в отдельных регионах. В частности, в отчетах по Бурят-Монгольской епархии, составленных обновленческим архиепископом Василием Федоровичем Макушевым, уделялось большое внимание религиозной ситуации в Бурят-Монгольской АССР, описывались состояние различных организаций и тенденции изменения их положения в условиях начала активной фазы антирелигиозной кампании в СССР. Подобную фиксацию положения иных религиозных организаций можно назвать третьим направлением исследования религии в обновленчестве.

Говоря об исследованиях религии и преподавании истории религий в обновленческих высших учебных заведениях, необходимо отметить, что наибольшее число доступных источников сохранилось только по деятельности Московской богословской академии, открытой 25 ноября 1923 г. В частности, внутренняя жизнь академии, ее программы и учебный процесс были отражены в ряде публикаций в центральном обновленческом печатном органе «Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви» (с 1928 г. издание носило название «Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР»). Также переписка, касающаяся внутреннего положения академии и ее программ, отложилась в ряде фондов, содержащих материалы работы региональных обновленческих церковных структур. Вместе с тем, данная переписка, как правило, касается положения выпускников и учащихся академии, а также вопросов финансирования учебного заведения со стороны епархиальных и митрополитанских структур¹. В силу утраты ряда источников, содержащих материалы работы центральных обновленческих институций, региональные неопубликованные источники, а также материалы периодической печати представляют особенную ценность и позволяют составить определенную картину положения учебного заведения. Учебный процесс в двух других высших учебных заведениях в юрисдикции обновленческого Священного Синода – Ленинградского богословского института и Киевской Высшей

¹ Например, см.: ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 19-20 об., 89 об.; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 191. Л. 21; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 131. Л. 18.

богословской школы¹ настолько хорошо в доступных источниках не отражен, поэтому судить об их положении крайне сложно, и в настоящем исследовании автор не станет касаться проблемы преподавания в них истории религий и осуществления религиозно-научных исследований.

Сложно судить о том, осуществлялись ли в Московской богословской академии научные исследования в области истории нехристианских религий². В некоторых материалах, опубликованных в «Вестнике Священного Синода», упоминалось, что в учебном заведении осуществлялась довольно активная научная деятельность. В частности, велась подготовка магистерских диссертаций³. Вместе с тем, тематика большинства подготавливаемых и защищаемых работ в источниках не указывается. Представляется вполне вероятным, что те работы, которые готовились и представлялись к защите в Московской богословской академии, были по преимуществу посвящены вопросам истории и современного состояния христианского вероучения. Большое внимание, насколько можно судить по имеющимся источникам, в учебном заведении уделялось также апологии обновленческих идей и анализу актуальных проблем современного богословия в обновленческом контексте, в частности, положению женщины в церкви. Значительное внимание уделялось также борьбе с Патриаршей церковью и научному обоснованию данного процесса, а также справедливости «церковной революции» мая 1922 г. и анализу «заблуждений» канонических православных структур и иерархов. Во всяком случае, такие выводы можно сделать, анализируя доклады, которые студенты и профессорские стипендиаты представляли в академии на торжественных мероприятиях⁴.

¹ Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922-1946 гг.). СПб.: Петроглиф, 2019. С. 136.

² Нужно понимать, что термин «религиоведение» в официальном обновленческом дискурсе не использовался. Религиоведческие исследования могли осуществляться только в рамках изучения нехристианских религий.

³ Зарин С.М. Годичный акт Московской Богословской Академии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. № 2 (15). 1927. С. 27.

⁴ Из жизни Московской Богословской Академии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. № 5-6 (17-18). 1927. С. 31-32;

Насколько можно судить по имеющимся источникам, история нехристианских религий если и затрагивалась в академических работах, то только косвенно. Например, критика других религий могла присутствовать в исследованиях по апологетике.

Относительно учебного процесса необходимо сказать, что предмет «История религий» появляется в Московской богословской академии со второго года ее существования – в 1924 г. Примечательно, что первым преподавателем данного предмета являлся обновленческий епископ Антоний Николаевич Семигановский-Диальти, человек европейски образованный и в прошлом активно занимавшийся эзотерическими практиками, иными словами, довольно компетентный в различных религиозных традициях¹. В целом, как отмечалось некоторыми бывшими студентами академии, уровень преподавания в учебном заведении в этот период был довольно высоким². Вместе с тем, сложно сказать что-то конкретное о программах, по которым осуществлялась преподавательская деятельность.

Весной 1925 г. «епископ Антоний снял священный сан в связи со вступлением в повторный брак с В. И. Брусиловой, вследствие чего прекратил преподавательскую деятельность в богословской академии³. В последующие два года сложно судить о том, на каком уровне осуществлялось преподавание истории религий в учебном заведении. Вместе с тем, представляется вероятным, что в дальнейшем крен в области исследований религии сместился в русло исключительно апологетики. Если епископа Антония Семигановского-Диальти еще можно воспринимать именно как религиоведа хотя бы в силу его личного опыта столкновения с другими религиозными традициями и погружения в эзотериче-

Зарин С.М. Годичный акт Московской Богословской Академии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. № 2 (15). 1927. С. 26-28.

¹ О нем см.: Кульпинов С.С. Эзотерик, обновленец, религиовед: штрихи к портрету Антона Николаевича Семигановского-Диальти // Прагматика гуманитарного знания. Сб. материалов. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 79-84.

² См.: Архив РУ ФСБ по Иркутской области. АУД. 11988.

³ Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923–1941 гг. / сост., вступ. ст., коммент. А. Л. Никитина. М.: Минувшее, 2005. С. 383.

скую среду, то в дальнейшем данную дисциплину преподавали почти исключительно выпускники старых, дореволюционных академий, сосредоточенные на полемических аспектах исследования нехристианских религий¹.

С 1927 г. в Московской богословской академии преподавание велось по блочной системе, в условиях которого третий год обучения должен был полностью посвящен исследованию религии в целом². Вместе с тем, сложно судить об уровне преподавания именно истории нехристианских религий в этот период. В источниках данный вопрос практически не отражен, а мнения исследователей о внутренней жизни академии в конце 1920-х – начале 1930-х довольно противоречивы.

Представляется вероятным, что блочная система преподавания сохранялась вплоть до закрытия академии, последовавшего в 1934 г.³. Вместе с тем, экономические сложности, с которыми сталкивалось учебное заведение в связи с сокращением финансовых возможностей обновленческого Священного Синода вследствие сокращения числа приходов в этот период, должны были негативно влиять на качество учебного процесса. Сведения об осуществлении научной работы непосредственно в академии в этот период полностью отсутствуют.

На уровне среднего богословского образования, которое также присутствовало в обновленчестве, в частности, в Вологодской епархии, сложно судить о том, имелись ли какие-то попытки пре-

¹ Зарин С.М. Годичный акт Московской Богословской Академии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. № 2 (15). 1927. С. 26-28.

² Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922-1946 гг.). С. 146.

³ Исследователями называются различные даты закрытия учебного заведения, в частности, долгое время считалось, что академия существовала только до 1931 г. См.: Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922-1946 гг.). С. 148. Вместе с тем, корреляция источников позволяет определить, что учебный процесс осуществлялся до 1933 – 1934 учебного года. См.: ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 263. Л. 19 об. В дальнейшем сведения о деятельности академии отсутствуют.

подавания истории нехристианских религий¹. Проблемой для исследователей является то, что деятельность обновленческих средних учебных заведений в принципе крайне скупо отражена в источниках даже в тех регионах, где они функционировали. О неудачных попытках открытия подобных учебных заведений зачастую в документах сохранились только отдельные упоминания, лишенные какой-либо конкретики². Вполне логично, что при таком слабом освещении вопроса в источниках судить о программах учебных заведений и качестве преподаваемых в них дисциплин не представляется возможным. Вместе с тем, если судить по материалам, касающимся Вологодской пастырской школы, следует отметить, что там осуществлялось преподавание апологетики и миссии³, в рамках которых могли затрагиваться вопросы истории нехристианских религий, хотя сами программы учебного заведения автору обнаружить не удалось.

В ряде епархий, в частности, в Сибири, организовывались научно-просветительские лекции для мирян. Как правило, в качестве лекторов выступали архиереи, клирики и некоторые образованные миряне-обновленцы. В некоторых случаях на таких мероприятиях лекторы касались проблемы истории религий и сравнительного их изучения⁴. При этом уровень лекций был именно научно-популярным, серьезные вопросы докладчиками не затрагивались. Вместе с тем, в отсутствии широкого религиозного просвещения такие знания могли составлять определенную конкуренцию атеистической пропаганде, также опиравшейся на историю религий и их сходство. Подобного рода лекции проводились в рамках обновленческих просветительских мероприятий, как правило, приуроченных к памятным историческим

¹ Протокол Архангельского епархиального съезда духовенства и мирян 1924 г. Архангельск: Архангельское епархиальное управление, 1924. С. 11; Пастырская школа в г. Вологде // Церковная заря. 1922. 15 сентября.

² См.: ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 120. Л. 3.

³ Пастырская школа в г. Вологде // Церковная заря. 1922. 15 сентября.

⁴ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 45. Л. 2; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 139. Л. 5, 45, 105 об.; ИАОО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 350. Л. 127 об.; ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

датам (в том числе юбилеям самого обновленчества), а также к церковным праздникам. Активно просветительская деятельность осуществлялась на всем протяжении 1920-х гг., а также в начале 1930-х гг. Последние крупные просветительские мероприятия на региональном уровне были связаны с десятилетним юбилеем обновленчества в 1932 г.¹ В дальнейшем лекционная работа и иные научно-популярные мероприятия практически полностью прекратились.

Проблема миссионерской деятельности в обновленческом движении во второй половине 1920-х гг. также практически не исследована. Вместе с тем, совершенно очевидно, что объектом этой миссионерской работы являлись именно представители неопротестантизма и русского сектантства, что отражено в ряде центральных и региональных источников. На региональном уровне отчеты о состоянии сектантства стали собираться епархиальными и митрополитанскими обновленческими церковными структурами уже в 1924 г. В частности, Сибирский областной церковный совет рассылал такого рода циркуляры в феврале 1924 г.² При этом до 1926 г. материалы по состоянию сектантства, собиравшиеся в епархиях, содержали исключительно статистические данные о распространении неопротестантизма и русских сект на региональном уровне³. Затем ситуация несколько меняется, предоставляемые в епархии и митрополии сведения становятся более информативными. В некоторых случаях присутствуют попытки анализа учения и развития сектантства в новейший период. Нужно отметить, что обновленческий прозелитизм в среде сектантов нередко имел успех⁴, поэтому активно осуществлялся

¹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 120 об.; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 215. Л. 3 об.

² ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.

³ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 139. Л. 23 об.

⁴ Например, в Иркутской обновленческой епархии в 1926 – 1928 гг. архиепископ Илья Иванович Фокин неоднократно посещал собрания евангелистов и баптистов, вел с ними полемику, благодаря чему склонил некоторых неопротестантов к переходу в обновленчество [ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 139. Л. 46, 100]. 3 июля 1929 г. баптисты обращались в Иркутское епархиальное церковное управление с просьбой о предоставлении им молитвенного помещения от обновленческой епархии ввиду закрытия молитвенного дома в

сбор информации и анализ положения сектантства на протяжении второй половины 1920-х гг.

В качестве примера можно привести «Отчеты о состоянии сектантства»¹, как они именовались в официальных материалах работы обновленческих епархий, составленные в Сибири. В некоторых отчетах обозначались актуальные тенденции развития неопротестантского сообщества в СССР. В частности, в Иркутске отчет, составленный в феврале 1928 г. старостой Троицкой церкви И.И. Гутманом и озаглавленный «Очерк сектантской духовной жизни», был сформирован с учетом не только местного положения неопротестантских течений и их активности, но и содержал сведения о развитии этих религиозных структур в СССР в целом, их образовательных организациях, классовом и возрастном составе общин, а также дальнейших перспективах развития в условиях отделения церкви от государства. Примечательно также, что отчет, составленный для Иркутской обновленческой епархии, содержал сведения о степени лояльности неопротестантских сообществ на общесоветском и региональном уровне советской власти².

Вместе с тем, с конца 1920-х – начала 1930-х гг. обновленческий прозелитизм в сектантской среде, в частности, в неопротестантских сообществах практически сошел на нет. Причины этому следует искать в общем спаде активности обновленчества в связи с сокращением числа приходов в период коллективизации и индустриализации и, как следствие, значительными материальными трудностями, испытываемыми епархиальными, митрополитанскими и общецерковными руководящими органами. Последовавшее 8 апреля 1929 г. постановление ВЦИК «О религиозных объединениях», фактически подразумевавшее запрет церковной проповеди за пределами храмов³, не оказало на этот процесс

Иркутске [ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 16 об.]. Это обращение свидетельствует о том, что отношение к обновленчеству в баптистской среде было довольно дружелюбным, что могло способствовать прозелитизму.

¹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 159.

² ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 274. Л. 1-4.

³ Русская Православная Церковь в советское время (1917 – 1991). Материалы

большого влияния, поскольку запрещалась именно проповедь в среде атеистов, то есть религиозная пропаганда, в то время как прозелитизм одних религиозных организаций в среде других сам по себе не подпадал под данный запрет. Более того, определенная полемика с Патриаршей церковью со стороны обновленчества продолжала осуществляться. Вместе с тем, вопрос пропаганды обновленчества в сектантской среде потерял в новых условиях свою актуальность. Усилия местных, епархиальных, обновленческих структур сконцентрировались по преимуществу на взаимодействии с государственной властью и сохранении оставшихся общин и приходов¹.

Следствием фактического свертывания попыток прозелитизма в сектантской среде стало отсутствие соответствующих отчетов о развитии сектантства и, в целом, прекращение попыток исследовать неопротестантизм и русские секты и определить их текущее положение и перспективы. Вместе с тем, некоторое время подобные отчеты еще запрашивались центральными обновленческими руководящими органами. В частности, еще 5 декабря 1933 г. Священный Синод запрашивал у Восточно-Сибирской обновленческой митрополии отчет о состоянии сект в епархиях Восточной Сибири².

В первой половине 1930-х гг. можно сказать об имевшем место в некоторых обновленческих епархиях интересе к религиозной ситуации на региональном уровне. Наибольший интерес такого рода нами усматривается в Бурят-Монгольской епархии в начале 1930-х гг., когда Верхнеудинскую обновленческую кафедру занимал архиепископ Василий Федорович Макушев. Видимо, документы, отражающие состояние религиозной жизни в Бурят-Монгольской АССР, являлись следствием личного интереса

и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. Штриккер. М.: ПроPILEI, 1995. С. 176-178.

¹ Об этом, например, см.: Кульпинов С.С. Несостоявшийся съезд Восточно-Сибирской митрополии в контексте положения обновленческого раскола в Восточной Сибири в 1931-м – первой половине 1932 г. // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. № 29. 2019. С. 63-79.

² ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 240. Л. 1.

правлящего обновленческого архиерея к местной религиозной ситуации. Насколько можно судить по имеющимся источникам, архиепископ Василий в принципе был человеком с широким кругом интересов, стремившимся к развитию культуры в обществе, вне зависимости от религиозной составляющей¹.

Наиболее примечательным источником в этом смысле являются составленные архиепископом Василием Макушевым отчеты о состоянии Бурят-Монгольской епархии, в которых, помимо собственно положения обновленчества в регионе отражалась также ситуация, сложившаяся в других религиозных организациях АССР. Авторство Макушева в данных документах является совершенно очевидным фактом, как в силу определенных обстоятельств личной жизни архиерея и его личной позиции, отраженных в источниках², так и в силу идентичности почерка, которым написаны отчеты, почерку архиепископ, образцы которого присутствуют в материалах работы Восточно-Сибирского краевого митрополитанского церковного управления 1932 – 1934 гг., то есть того периода, когда Василий Макушев занимал пост главы Восточно-Сибирской митрополии³. Можно, с одной стороны, предполагать, что обилие информации о религиозных организациях связано с ситуацией в регионе, где сосуществовали различные религиозные течения, в частности, был широко развит буддизм, присутствовали мусульманская и иудейская общины, а также было распространено старообрядчество, причем, как Белокриницкой иерархии, так и беспоповских согласий. С другой стороны, в документах более раннего периода, например, относящихся к управлению епархией предшественника Василия Макушева, архиепископа Гавриила Аркадьевича Асташевского, проблема религиозного состояния Бурят-Монгольской АССР в принципе не поднималась. Отсюда можно сделать вывод, что интерес к положению иных религиозных структур и их подробное описание в отчетах, направляемых в митрополитанские структуры, было скорее личной инициативой архиепископа Василия, вызванной его интересом к вопросу.

¹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 229. Л. 3.

² Там же.

³ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 53.

Наибольшее внимание в отчетах, направляемых из Верхнеудинска в Восточно-Сибирское краевое митрополитанское церковное управление, уделялось положению буддизма в Бурят-Монгольской АССР. К примеру, в отчете за 1930 г. было зафиксировано, что в Бурят-Монголии проживает 450 штатных буддийских лам и 20 тысяч худриков, с некоторой гордостью отмечалось, что по числу лам АССР занимает первое место в СССР и третье место в мире. Также в отчете указывалось, что внутри буддизма в Бурятии существует во многом аналогичное православному деление на «староцерковников» и «обновленцев», причем в буддистской среде последние одержали безоговорочную победу: на 1930 г. у «обновленцев» в АССР было 33 дацана, в то время, как «староцерковники» располагали только 3 дацанами. Исторический центр бурятского буддизма, Гусиноозерский дацан, также, согласно документу, был занят обновленцами, в то время, как хамболама староцерковников был вынужден проживать в Верхнеудинске¹. Вместе с тем, следует полагать, что здесь архиепископом Василием была допущена ошибка, поскольку в других отчетах Гусиноозерский дацан упоминался как раз в качестве одного из оставшихся центров буддистских «староцерковников»². Также в документе констатировалось, что активного противостояния между «обновленцами» и «староцерковниками» в буддизме не происходит.

Другой отчет, за 1931 г., не содержал таких подробных сведений, ограничиваясь лишь указанием общего числа буддистских дацанов в Бурят-Монгольской АССР и повторением информации о том, что в буддизме существует конфронтация между «староцерковниками» и «обновленцами», хотя противостояние не столь активно, как внутри православной церкви³.

Более пространным и во многом дополняющим отчет за 1930 г. был отчет, составленный, вероятно, в конце 1932 г. и отражающий реалии первой половины года. В нем указывалось, что у «староцерковников» в АССР осталось только два дацана,

¹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 209. Л. 2.

² ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 229. Л. 5.

³ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 219. Л. 8.

причем обновленцы продолжают, вопреки изменениям в советском законодательстве, вести просветительскую деятельность. В частности, указывалось, что в Ацагатском дацане продолжает действовать буддистская медицинская школа под руководством «врача-окультиста». Отдельно отметим, что глава буддистов-обновленцев хамбо-лама Агван Лобсан Доржиев в отчете характеризовался крайне положительно. Архиепископ Василий Макушев указывал, что Агван Доржиев очень умный человек, обладающий правильным политическим видением, прекрасно образованный, как буддийски, так и европейски. В отчете указывалось, что весной 1932 г. обновленческий хамбо-лама отбыл в Ленинград, где впоследствии стал настоятелем дацана¹. Любопытно, что Агван Доржиев являлся также послом Тибета в СССР, следовательно, обновленческое движение в советском буддизме получило признание на международном уровне.

Поскольку каких-либо контактов между православными и буддистскими обновленцами в этот период не существовало, представляется вероятным, что столь подробные описания были личной инициативой архиепископа Василия и не имели прямого практического назначения. Вместе с тем, анализ положения буддизма был выполнен, как показано выше, весьма грамотно, с опорой на существующие в Бурят-Монгольской АССР реалии и объективные данные. Приведенные выше отчеты можно назвать описательной религиоведческой работой, хотя исследованиями в строгом смысле они, естественно, не являлись. Следует также отметить, что данные источники являются крайне ценными для современных историков религии, поскольку фиксируют имевшееся соотношение сил между «староцерковничеством» и «обновленчеством» в бурятском буддизме.

Помимо положения буддизма в рассматриваемых отчетах, составленных архиепископом Василием, довольно большое внимание уделялось положению старообрядчества в Бурят-Монгольской АССР. Здесь речь идет скорее о рассмотрении старообрядцев в перспективе возможного прозелитизма. Необходимо отметить,

¹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 229. Л. 5.

что попытки обновленческого прозелитизма в старообрядческой среде и даже институционального приведения всего старообрядчества, признающего священство, к подчинению обновленческому Священному Синоду предпринимались еще в первой половине 1920-х гг. Старообрядческий вопрос поднимался на Великом предсоборном совещании в июне 1924 г.¹ Вместе с тем серьезных успехов на этом направлении достигнуто не было. Имевший место переход епископа Николая (Позднева) к старообрядцам-беглопоповцам и возникновение в результате этого так называемой беглопоповской иерархии привело не к планируемому подчинению одной из ветвей старообрядчества обновленческому Синоду, а к еще большему ее обособлению в результате восстановления собственных механизмов рукоположения клира².

В этом смысле интересно, что на региональном уровне попытки прозелитизма в старообрядческой среде, как показывают отчеты, не прекратились после неудач первой половины 1920-х гг. Архиепископ Василий Макушев в Бурят-Монголии, насколько можно судить по источникам, прилагал большие и небезуспешные усилия для установления дружеских отношений с местными представителями Белокриницкой иерархии, в частности, с проживающим в Тарбагатае епископом Амвросием (Федоровым). С последним у обновленческого архиерея установились вполне дружеские отношения. Старообрядческий епископ посещал обновленческое церковное управление, вел беседы с обновленческим архиепископом и живо интересовался актуальными вопросами церковной жизни внутри православия³. Вместе с тем, прозелитического эффекта все же достичь не удалось. Также нужно отметить, что Белокриницкая иерархия была довольно слабо представлена в Бурят-Монголии и Забайкалье, где основную часть старообрядцев составляли беспоповцы-семейские. Последние на контакты с обновленцами не шли и в принципе

¹ Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922-1946 гг.). С. 131.

² Лавринов В.В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: Общество любителей церковной истории, 2016. С. 413.

³ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 209. Л. 1 об.

дистанцировались от событий, происходящих внутри православной церкви^{1/}

В отчетах отсутствует глубокий анализ положения старообрядчества в Бурят-Монгольской АССР, ситуация внутри старообрядческих общин описана в меньшей мере, нежели внутри буддистского сообщества. Вместе с тем, приведенные сведения также представляют определенный интерес.

Помимо этого, весьма кратко в отчетах архиепископом Василием описывалось положение иудеев, мусульман и римо-католической общины в Бурят-Монголии. Автор отчетов практически не вдавался во внутреннюю ситуацию в данных религиозных структурах, ограничиваясь обозначением их текущего положения в АССР и уточнением некоторых подробностей, связанных с гонениями на религиозные институты со стороны местных властей². Отдельные примечательные подробности представляют интерес только в историческом контексте и не имеют собственно религиоведческого значения.

Следует отметить, что отчеты, направляемые архиепископом Василием Макушевым, хотя представляются довольно редким по своему содержанию источником, все же не являются единственным примером подобного анализа религиозной ситуации на региональном уровне, предпринятого обновленческими епархиальными структурами и правящим архиереем. Аналогичны по содержанию, хотя и более лаконичны материалы, представляемые в Дальневосточное митрополитанское церковное управление епископом Средне-Колымским Николаем Иовлевичем Винокуровым.

В частности, в отчетах, направляемых из Средне-Колымска, присутствовали довольно подробные описания положения представителей местных якутских верований и миссионерская работа в их среде. Сложно сказать, кто именно составлял данные отчеты, сам епископ или кто-то из епархиального церковного управления. Такой однозначной картины авторства, как в случае с отчетами

¹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 229. Л. 4 об.

² Там же. Л. 4 об. – 5.

по Бурят-Монгольской епархии, здесь нет. Вместе с тем, представляется интересным, что автор отчетов вникал в особенности местных якутских верований, довольно подробно описывая их смысл и возможные перспективы миссии на основе параллелей с христианским вероучением¹.

Подводя итоги настоящего исследования, необходимо отметить, что, в силу ограниченности источников, касающихся обновленческого высшего и среднего богословского образования, сложно составить подробную картину исследования религии и преподавания истории религий в данных учебных заведениях. Вместе с тем, представляется вероятным, что на начальном этапе существования Московской богословской академии история религий преподавалась в ней на высоком уровне. В дальнейшем внимание преподавателей было сосредоточено преимущественно на истории нехристианских религий в контексте апологетики. Нет объективных данных о том, разрабатывалась ли история религий в научных работах, которые писались и защищались в академии. На научно-популярном уровне проблемы развития религии и ее форм довольно часто затрагивалась обновленческими клириками и мирянами в рамках докладов и просветительских лекций на протяжении 1920-х гг.

Проблема исследования сектантства была весьма актуальна для обновленчества, ввиду стремления к прозелитизму в сектантской среде. Во многом миссия со второй половины 1920-х гг. стала пониматься обновленцами почти исключительно как работа в среде сектантов. При этом некоторые отчеты о состоянии сект свидетельствуют о глубоком анализе текущего положения в религиозных движениях и их перспектив. Данные материалы являются ценным источником по истории неопротестантских движений в СССР в 1920-х гг. Вместе с тем, большинство материалов, касающихся положения сектантства, содержало исключительно статистические сведения, без попыток какого-либо научного анализа.

Безусловный интерес представляют некоторые обновленче-

¹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 144. Л. 1-11.

ские епархиальные отчеты, содержащие сведения о положении различных религиозных структур в регионах. К примеру, отчеты Бурят-Монгольской епархии, составленный архиепископом Василием Макушевым, содержат глубокий анализ внутреннего положения бурятского буддизма в начале 1930-х гг. Аналогично в отчетах содержится анализ регионального положения старообрядчества. Данные отчеты представляют значительную ценность для современных историков религии. Вместе с тем, их серьезный уровень не был общей тенденцией, а отражал личный интерес авторов к описываемой проблематике.

В целом, можно сказать, что сведения о систематическом изучении истории и современного состояния религии в обновленчестве отсутствуют, однако некоторые попытки такого изучения предпринимались в рамках образовательного процесса в богословских учебных заведениях, а также в отчетах, составляемых на региональном уровне для митрополитанских и общецерковных руководящих структур.

Сокращения

АССР – автономная советская социалистическая республика
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ИАОО – Исторический архив Омской области
Прот. – протоиерей
РУ ФСБ – Региональное управление Федеральной службы безопасности

**ON THE PROBLEM OF THE STUDY OF RELIGION
IN THE RENOVATIONIST SCHISM IN THE USSR
IN THE 1920s – 1930s**

Sergiy Kulpinov

The article examines the problem of studying religion by representatives of the renovationist schism in the USSR in the 1920s - 1930s. Much attention is paid to the study of the place of research on the history of non-Christian religions and their teaching in higher and secondary renovationist educational institutions. Due to a rather limited number of sources, the educational process at the Moscow theological academy is mainly analyzed. Attention is also paid to popular scientific reports and lectures on the history and forms of religion organized by the renovationists as part of educational events. The reports on the activities of sects compiled in the renovationist dioceses and their scientific significance are analyzed. Attention is also paid to the reflection of the religious situation at the regional level in the reports of some renovationist diocesan structures, in particular, the Buryat-Mongolian diocesan church administration. It is concluded that the systematic study of the history and current state of religion in renovationism was practically not carried out, although some attempts of such work were made, both within educational institutions and on the personal initiative of hierarchs, clerics, and laity.